

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ПОСТОЯННЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ АЛТАИСТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

1. В соответствии с решением алтаистической секции XXIV Международного конгресса востоковедов, которое было принято 4 сентября 1957 г. в Мюнхене, с 25 по 28 июня 1958 г. в Майнце (ФРГ) состоялось первое международное совещание алтаистов¹. На этом совещании был создан Постоянный Международный алтаистический семинар (Permanent International Altaistic Conference, сокращенно — PIAC). Генеральным секретарем на первые пять лет был избран В. Хейсиг (ФРГ). Участники первого заседания договорились относительно организации ежегодных встреч с обсуждением проблем, вызывающих общий интерес. Второе заседание Алтаистического семинара проходило также в Майнце с 23 по 26 июня 1959 г., третье — в Бург Либенштейне (ФРГ) с 26 июня по 1 июля 1960 г., четвертое — в Кембридже (Англия) с 12 по 16 июня 1961 г., пятое — в Блумингтоне (США, штат Индиана) с 4 по 9 июня 1962 г., шестое — в Хельсинки (Финляндия) с 4 по 8 июня 1963 г., седьмое — в Питерсберге (Голландия) с 29 августа по 3 сентября 1964 г., восьмое — в Вальшейде (ФРГ) с 30 августа по 4 сентября 1965 г., девятое — в Равелло (Италия) с 26 по 30 сентября 1966 г., десятое — в Манчестере (Англия) с 26 по 30 июня 1967 г., одиннадцатое — в Хёргольме (Дания) со 2 по 6 июня 1968 г., двенадцатое — в Берлине (ГДР) с 29 августа по 2 сентября 1969 г. Очередное, тринадцатое, заседание будет проходить в Страсбурге (Франция) с 25 по 30 июня 1970 г.

Отчет о первых трех заседаниях содержится в отдельной брошюре². Доклады и сообщения, сделанные на пятом заседа-

¹ Это решение мотивировалось тем, что в виду быстрого расширения алтаистических исследований и их все возрастающей важности, заседания с трехлетней периодичностью в рамках Международного конгресса востоковедов становятся недостаточными для обмена информацией и серьезного обсуждения большого количества общих и частных вопросов.

² Permanent International Altaistic conference. Arbeitsbericht 1958 bis 1960 (gedruckt als Manuskript, 32 стр.).

нии Семинара, составили один из томов урало-алтайской серии³, в котором они были сгруппированы по темам следующим образом: 1) жилище у алтайских народов; 2) музыка, культура; 3) распространение письма; 4) одежда и орнамент; 5) различные аспекты алтайской цивилизации, контакты с другими цивилизациями. Отчет о шестом заседании напечатан в журнале Финно-угорского общества⁴. В этом же томе в виде отдельных статей изданы тексты докладов Р. Р. Арата («Древнетюркские юридические документы»), А. Бодроглигети («Сайф-и-Сарайи и хорезмийская тюркская литература»), П. Поуха («К проблеме „Сокровенной Истории“ монголов»), К. Сагастера и М. Хальтода («О некоторых выражениях для [появляя] „умирать“ в монгольских языках»). Материалы седьмого заседания PIAC, посвященного обсуждению широкого круга вопросов, связанных с лошадей и ее ролью в жизни алтайских народов, опубликованы в двух выпусках «Центральноазиатского журнала»⁵. Доклады, зачитанные на восьмом заседании, темой которого была «Охота у алтайских народов», изданы в одном из выпусков «Asiatische Forschungen»⁶. Материалы других заседаний пока не опубликованы. Темой девятого заседания были «Ранги и титулы», на десятом заседании обсуждалась тема «Феодализм в алтайском мире».

³ «Aspects of Altaic civilization. Proceedings of the V meeting of the Permanent International Altaistic conference held at Indiana University, June 4—9, 1962», Bloomington, 1963 («Uralic and Altaic series», 23).

⁴ «Sitzungsberichte der 6. Arbeitstagung der Permanent International Altaistic conference in Helsinki 4—8.6. 1963», JSFOu, 65, 1, 1964, стр. 1—123.

⁵ «Proceedings of the VII meeting of the Permanent International Altaistic conference. 29 august—3 september 1964», «Central Asiatic journal», X, 3—4, 1965, стр. 141—338.

⁶ «Die Jagd bei den altaischen Völkern. Vorträge der VIII. Permanent International Altaistic conference vom 30.8. bis 4.9. 1965 in Schloss Auel», «Asiatische Forschungen», 26, 1968.

Кроме того, был заслушан ряд докладов, выходящих за пределы названной темы⁷. Доклады на одиннадцатом⁸ и двенадцатом⁹ заседаниях Семинара не были тематическими.

Помимо обсуждения научных докладов и сообщений, на заседаниях Семинара решались различные организационные вопросы. Так, на пятом заседании (Блумингтон, США) были уточнены некоторые общие принципы деятельности РИАС. Участники заседания согласились с тем, что алтаистические исследования не могут быть плодотворными без эффективного международного сотрудничества и что они должны охватывать не только лингвистические, но и исторические, этнографические, этногенетические и другие проблемы. В связи с этим были намечены следующие конкретные мероприятия: 1) установление тесного сотрудничества с алтаистами Японии и Кореи; 2) учреждение специальной службы алтаистических публикаций (реферирование литературы, издаваемой на японском, корейском, китайском, турецком, персидском, венгерском и польском языках как малодоступных для широкого круга специалистов); 3) продолжение сбора данных, относящихся к алтайским народам, в латинских источниках; 4) создание небольшого организационного центра; 5) учреждение премии университета в штате Индиана, присуждаемой ежегодно за алтаистические исследования¹⁰. Генеральным секретарем РИАС на второй срок, до 1967 г., был избран Д. Синор (США). В официальном решении, принятом на этом заседании, отмечается, что существование Постоянного Международного алтаистического семинара способствует достижению взаимопонимания между разными народами. На седьмом заседании в Питерсберге (Голландия) было принято решение об издании специального информационного бюллетеня «Новости РИАС»; на десятом в Манчестере — прод-

лены до 1970 г. полномочия Д. Синора на посту Генерального секретаря РИАС и одобрена процедура избрания президентов заседаний-сессий: на каждом заседании избирается президент следующего заседания — представитель страны, в которой проводится очередная встреча алтаистов (обязанностью президента является осуществление всех организационных мероприятий).

Издание бюллетеня положило начало новому этапу в работе Алтаистического семинара, способствовало усилению обмена научной информацией и отчасти — определению основных направлений дальнейших исследований¹¹. Первый выпуск (июль 1966 г.) содержит краткие сообщения о заседаниях Семинара, об алтаистических исследованиях в ФРГ (стр. 5), Голландии (стр. 6), в Урало-алтайском отделе университета в штате Индиана (стр. 7), в Японии (стр. 8—13) и Венгрии (стр. 14, 15). Особое внимание в этом выпуске следует обратить на обзор деятельности японского Общества по изучению истории Центральной Азии и ежегодного собрания молодых алтаистов Японии за 1964—1965 гг.: к обзору приложен большой список опубликованных научных работ, преимущественно исторических. Во втором выпуске бюллетеня (март 1967 г.) помещена информация об алтаистических исследованиях в Голландии (стр. 6), о состоянии алтаистики в Японии, с перечнем исследовательских институтов, научных конференций и докладов (стр. 7—9), о поездке А. Рона-Таша в Чувашскую АССР осенью 1965 г. (стр. 15—16) и т. д. Содержание третьего выпуска (сентябрь 1968 г.) — отчеты о десятом и одиннадцатом заседаниях РИАС, сообщения о выходе в свет сборника статей памяти проф. Рагу Впра, подготовленного членами Семинара, о монголистике в ГДР (стр. 9—10), о тюркологических работах Фрейбургского университета (стр. 11—12), о публикации трудов РИАС (стр. 14). Четвертый выпуск (июль 1969 г.) включает в себя информацию о новых исследованиях в Институте по изучению доисламской истории Центральной Азии в Вене (стр. 2—4) и библиографические заметки (стр. 4—7); там сообщается также об Этимологическом тюркском словаре (до XIII в.), составленном Дж. Клоусоном и принятом в настоящее время к изданию.

Будучи первоначально объединенным небольшим количеством лиц, интересующихся различными вопросами алтаистики, Алтаистический семинар постепенно вырос в значительную международную организацию, получившую признание широкого круга специалистов во многих странах. Начиная с четвертого заседания,

⁷ Краткий отчет см.: «Permanent International Altaistic Conference, Newsletter», No. 3, September, 1968, стр. 2—4.

⁸ См. там же, стр. 4—5. Краткое изложение докладов см. в статье: E. S c h ü t z, The 11-th session of the Permanent International Altaistic conference (RIAC) in Horsholm, Denmark, 2—6 June 1968, «Acta orient. Hung.», XXII, 2, 1969, стр. 273—277.

⁹ См. программу двенадцатого заседания (рукопись; 9 стр.). Подробнее об этом заседании см.: ВЯ, 1970, 2, стр. 146—148.

¹⁰ Премия — медаль, которой награждаются наиболее выдающиеся алтаисты. С 1963 г. медали были удостоены семь человек: А. Мостэр (1963), Э. Хениш (1964), А. Ринчип (1965), Ю. Немец (1966), М. Рясаяев (1967), Л. Лигети (1968), Дж. Клоусон (1969).

¹¹ Бюллетень издается Урало-алтайским отделом университета в штате Индиана.

в работе Семинара принимают участие представители социалистических стран: на четвертом заседании была представлена Венгрия, на пятом — Венгрия и Польша, на шестом — Венгрия, Польша и Чехословакия, в работе восьмого, девятого и двух последних заседаний участвовали также алтайцы Советского Союза. Кстати, на двенадцатом заседании советская делегация была наиболее представительной.

II. Основной целью создания международной организации алтаистов являлось объединение усилий лингвистов, историков, археологов для всестороннего изучения так называемой алтайской проблемы. Естественно, что вопрос о характере связей между алтайскими языками занимал в программе заседаний центральное место (общая дискуссия на одном из первых заседаний; А. Рона-Таш «Некоторые замечания относительно алтайской теории», 10¹²; С. К. Кенесбаев «К вопросу о тюркско-монгольской языковой общности», 12; И. В. Кормушин «Явление фузии в истории алтайских языков и его значение для решения проблемы общности этих языков», 12). Необходимо отдать должное трезвости и осторожности организаторов Семинара, заявивших с самого начала о том, что указанный вопрос нельзя пока считать решенным. В этой связи хотелось бы отметить неправомерность проявляющейся кое-где тенденции разделять специалистов, занимающихся изучением алтайских языков, на два лагеря, алтаистов и антиалтаистов, и отлучить последних от алтаистики. Существуют не алтаисты и антиалтаисты, а два разных подхода к решению одной проблемы. Соподобия и сходства, обнаруживаемые в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, могут быть объяснены либо генетическими связями, либо продолжительными и многократными контактами и смешениями, причем наличие генетических связей отнюдь не исключает роли контактов и смешений в образовании материальной близости. Таким образом, даже ортодоксальный алтаист должен заниматься выделением заимствований, так как в противном случае он рискует восстановить не имеющие никакой достоверности праформы и выдать за регулярные фонетические соответствия закономерности фонетического освоения заимствованных слов.

Одним из перспективных направлений в поисках решения алтайской проблемы было признано исследование лексики и лексических связей в пределах разных тематических групп, чем и объясняется предпочтение тематическим заседаниям (ср. названия далеко не всех докладов: М. Эштергар «Слова, относящиеся к жилищу, в алтайских языках»,

5; А. Рона-Таш «Предварительное сообщение об изучении жилища у алтайских народов», 5; О. А. Константинова «Лексика, связанная с обозначением жилища, в тунгусо-маньчжурских языках», 12; Р. Р. Арат «О средствах выражения ориентации в тюркских языках», 5; В. И. Цициус «Тунгусо-маньчжурские материалы, относящиеся к лошади», 7; И. Циртаутас «Любимые названия мастей у тюрков», 7; Дж. Клоусон «Лошади у тюрков и монголов и их использование. Этимологическое исследование», 7; Д. Синор «Заметки о терминах, связанных с лошастью, у алтайских народов», 7; Дж. Клоусон «О некоторых древних тюркских словах, связанных с охотой», 8; Э. Шютц «К вопросу о венгерских названиях соколов», 8; С. Якчид и К. Р. Боуден «Заметки о рангах и титулах монгольской знати в эпоху маньчжурского завоевания», 9; В. М. Насилов, «Ономастика, связанная с бытом и обычаями тувинских, казахских и уйгурских охотников», 9; П. Поуха «Ранги и титулы у народов монгольских земель в ходе исторического развития», 9; Э. Трьярский «Ранги, титулы и должности в некоторых армяно-кыпчакских текстах», 9; В. Д. Колесникова «Названия частей тела в тунгусо-маньчжурских и других алтайских языках», 12 и т.д.). Предложенные темы — «Жилище», «Одежда», «Лошадь», «Охота», «Ранги и титулы» — обсуждались не только в лингвистическом аспекте, в работе заседаний принимали активное участие историки, этнографы и искусствоведы. В итоге была дана довольно подробная характеристика разных типов жилищ и их внутреннего убранства, одежды и обуви, принадлежностей охоты, музыкальных инструментов, мелодий, песенных и театрализованных представлений (Ш. Каман «Монгольские жилища с особым выделением жилищ Внутренней Монголии», 5; А. Габен «Заметки о жилище алтайских народов. Уйгурское государство Хочо, 850—1250 гг.», «Заметки об одежде и украшениях. Уйгурское государство Хочо», 5; П. Аалто «Музыка у монголов: введение», «Формы художественного выражения в калмыцких песнях», 5; А. Бомбачи «О древних турецких драматических представлениях», 5; Э. Эсин «Лошадь в искусстве тюрков», 7; У. Иогансен «Седло у алтайских народов», 7; Г. М. Василевич «Лошадь в эвенкийском фольклоре», 7; Дж. А. Бойль «Монгольский охотничий ритуал», 8; С. Якчид, К. Р. Боуден «Заметки об охоте у некоторых кочевых народов Центральной Азии», 8; Д. Синор «Замечания об экономических аспектах охоты в Центральной Евразии», 8; Г. М. Василевич «Роль охоты в истории тунгусо-маньчжурских народов», 8 и т.д.).

Другое направление алтаистических исследований — прослеживание ранних японо-алтайских, тюркско-тохарских,

¹² Цифры после наименования доклада — порядковый номер заседания.

тюркско-иранских, алтайско-палеоазиатских и других контактов (К. Цегледи «Шаркел: древнетюркское слово, обозначающее дом», 5; Ш. Мураима «О некоторых японских культурных словах алтайского происхождения», 5; В. Винтер «Тохары и тюрки», 5; А. Рона-Таш «Тохарские элементы в тюркских языках», 12; Д. Либби «Некоторые соображения о культурных связях палеоазиатских и урало-алтайских народов», 5; К. М. Мусаев «Некоторые наблюдения над историческим взаимодействием тюркских языков с нетюркскими», 12). Роль культурных связей была особо подчеркнута на девятом заседании в ходе обсуждения темы «Ранги и титулы». По мере расширения поисков в указанном направлении становится все более очевидным, что языковые последствия контактов тюрков, монголов и тунгусо-маньчжуров с неалтайскими народами значительны и что учет их может облегчить решение некоторых спорных частных вопросов алтаистики.

В большом количестве докладов производился сравнительный анализ фонетических явлений, слов и грамматических форм либо под знаком проверки и критики алтайской гипотезы, либо с целью ее уточнения и обоснования (Г. Дёрфер «Соответствие тюркских долгих гласных в тунгусских языках», 10; Н. А. Баскаков «Происхождение некоторых глагольных форм, общих для тюркских и монгольских языков», 11; В. И. Цинциус «К этимологии слова „ребенок“ в тунгусо-маньчжурских языках», 11; Т. Текин «Об альтернации $l \sim ш$ в тюркских и монгольских языках», 12; Г. Д. Санжеев «К вопросу о так называемых ротацизме и ламбдализме в алтайских языках», 12; А. Н. Кононов «Показатели множественности и собирательности в тюркских языках», 12 и т. д.).

На последних заседаниях Семинара отчетливо проявилось стремление к более глубокому изучению тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков порознь. В этом отношении особенно примечательны одиннадцатое и двенадцатое заседания (Л. Беше «Замечания относительно спряжения в среднемонгольском языке», 11; А. Рона-Таш «Некоторые проблемы древнетюркского языка», 11; И. Циргаутас «Композитные глагольные образования в узбекском языке», 12; С. Атамирзаева «К вопросу о происхождении умлаута в тюркских языках», 12; А. Абдуллаев «Формы развития дательного падежа в тюркских языках», 12 и т. д.). Правда, на последнем из них были широко представлены также алтаистические доклады сторонников алтайской гипотезы (О. П. Суник «К вопросу о возвратных местоимениях в алтайских языках»; В. И. Цинциус «Термины родства в алтайских языках»; Г. П. Мельников «Строй алтайских языков как система» и т. д.).

В докладе Н. Ямада, прочитанном на девятом заседании, была дана общая характеристика нынешнего состояния алтаистических исследований в Японии.

Многие доклады не имели прямого отношения к алтайской проблеме и представляли собой своеобразные отчеты о текстологических исследованиях, обзоры исторических и художественных текстов, юридических документов и памятников письменности или же комментарии к ним (Я. Экман «Состязание в стихах между музыкальными инструментами. Из чагатайской литературы XV века», 5; К. Ян «О дополнительных персидских источниках для монгольского периода истории Ирана», 5; Н. Ямада «Личные печати и знаки на уйгурских документах», 5; О. Прицак «Первый оригинальный хазарский документ», 10; А. Габен «Исторические сведения из древнетюркских рукописей», 11; Г. Хазан «Об одном месте в надписи в честь Тоньюкука», 12; П. Циме «О несториянских тюркских текстах из Турфана», 12; В. Дримба «К вопросу о новом издании „Codex Sumanicus“, 12 и т. д.). В ряде докладов, не имевших традиционной алтаистической направленности, рассматривался вопрос о происхождении, развитии и распространении систем письма, использовавшихся и используемых разными алтайскими народами (А. М. Щербак «Неизвестные надписи на камнях из Хумары и проблема рунического алфавита западных тюрков», 4; Дж. Клоусон «Распространение письма в алтайском мире», 5; Э. Шютц «Заметки об армяно-кыпчакском письме и его исторической основе», 5; Дж. Клоусон «Происхождение тюркского рунического алфавита», 11).

Разумеется, приведенные выше доклады и темы не исчерпывают всего многообразия тематики двенадцати прошедших заседаний. Мы назвали часть докладов, чтобы создать представление об основном круге вопросов, интересовавших участников Семинара, и о важнейших направлениях его работы.

Современная алтаистика заключает в себе огромный комплекс научных знаний — филологических, исторических, археологических, искусствоведческих, этнографических, углубление которых позволит лучше раскрыть этнические и языковые процессы, происходившие в пределах алтайского ареала и сыгравшие важную роль в истории Евразии. Тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские языки, енисейские, палеоазиатские, индоевропейские (иранские, тохарский, санскрит), тибетский и многие другие через непосредственные соприкосновения или благодаря интенсивным культурным связям их носителей неоднократно вступали в контакты, приводившие к взаимно-проникновению лексических и морфологических элементов и к формированию об-

щих структурных черт. Алтайский ареал стал местом взаимодействия не только разных языков, но и разных культур, религий, хозяйственных укладов. Шаманизм, буддизм, манихейство, несторианство в той или иной мере существовали на его территории и оставили заметный след в культуре, искусстве, в языках. Естественное следствие соприкосновения разных культур — необычайное разнообразие систем и видов письма: пиктографическое, «квадратное», руническое, буквенное (согдийское, уйгурское, манихейское, сирийско-несторианское, брахми, арабское). Едва ли необходимо доказы-

вать, что дальнейшее развитие наших знаний о столь сложном и многостороннем объекте, каким является «алтайский мир», будет в немалой степени зависеть от делового сотрудничества ученых разных стран¹³.

¹³ При окончательном оформлении данного очерка были учтены замечания А. Н. Кононова и использованы материалы, полученные от А. Бомбачи и Э. Шютца, которым автор выражает свою глубокую благодарность.

А. М. Щербак (Ленинград)

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

24—25 февраля 1970 г. в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР проходила научная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Во вступительном слове С. Д. Кацнельсон указал на то огромное значение, которое имеет освоение ленинского теоретического наследия для постановки новых задач во всех областях науки, в частности в науке о языке. А. В. Десницкая в докладе «Об историческом содержании понятия „диалект“» подчеркнула, что учение В. И. Ленина о языке и нации содержит основные теоретические предпосылки для разработки проблемы социальных функций языка в процессе развития человеческого общества. В истории языков развитие диалектных явлений находится в обратном отношении к развитию обобщенных форм устной речи. Это соотношение не является постоянным и полностью зависит от конкретных социально-исторических условий. Сложение обобщенных форм в целом должно иметь, вероятно, более универсальное значение, так как оно в большей степени соответствует направлению социального прогресса. Однако в определенные эпохи и в определенных исторических условиях образование диалектных различий может получить характер основной закономерности развития языковых отношений. Указывая, что за основу социологической трактовки проблемы диалекта принимается тезис о соответствии диалектных границ границам феодальных территорий, докладчик, исходя из современного уровня диалектологии и социальной истории, усматривает основной недостаток этой теории в абсолютизации одного из возможных при феодализме типов диалектных явлений, тогда как сложность проблемы диалектных границ коренится в многообразии общих фактов и особых условий исторического порядка, определяющих характер и степень диалектной вариантно-

сти на территории распространения каждого языка. В заключение доклада предлагается краткий обзор типов диалектных отношений, складывавшихся на разных стадиях общественного развития.

Доклад Н. З. Котеловой «Эвристичность языка как источника знаний о мире» был посвящен вопросу о роли языка в научном познании. Сознательное и целенаправленное обращение к языку, представляющему собой естественную модель мышления и деятельности, может служить эффективным методом научного познания. В большей или меньшей степени, в основном, в зависимости от уровня структуры языка, информативны как отдельные значащие элементы и отношения, так и микросистемы и система в целом. Результаты лингвистического анализа языковых фактов, соответствующих исследуемому фрагменту действительности (дифференциаль и определение значений, компонентный анализ, построение семантических и словопроизводительных гнезд и полей, анализ грамматических категорий и т.д.) представляют собой весьма ценные для этого фрагмента языковые данные. Они помогают установить или существенно уточнить проблематику исследуемого вопроса и наметить направление для их описания как на эмпирическом, так и на теоретическом уровне.

Доклад О. П. Суника «Марксистско-ленинская теория нации и ее значение для языкового строительства в СССР» посвящен анализу вклада В. И. Ленина в историко-материалистическую теорию наций, национальных движений и национальных языков. Открыв закон неравномерного развития капитализма на его последней монополистической стадии и указав на возможность и неизбежность победы социалистической революции сначала в нескольких или даже в одной отдельно взятой капиталистической стране, В. И. Ленин сделал вывод о возможности сложения и развития наций и на-